

ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА

DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.4.2-473-491

УДК: 94.323.1 (571./5)

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ СИБИРСКОМ ГОРОДЕ: ПРОБЛЕМА ЭТНИЧЕСКОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА*

Дятлов Виктор Иннокентьевич,

*доктор исторических наук,
профессор кафедры мировой истории
и международных отношений
Иркутского государственного университета,
Россия, 664003 Иркутск, ул. Карла Маркса, 1;
ведущий научный сотрудник
лаборатории социально-антропологических исследований
Национального исследовательского Томского
государственного университета,
Россия, 634050, Томск, пр. Ленина 36
vikdyatlov@yandex.ru*

Нам Ираида Владимировна,

*доктор исторических наук,
профессор кафедры антропологии и этнологии,
заведующий лабораторией
социально-антропологических исследований
Национального исследовательского Томского
государственного университета,
Россия, 634050, Томск, пр. Ленина 36
ORCID: 0000-0002-3636-7539
namirina@bk.ru*

Аннотация

Национально-культурные организации (НКО): национально-культурные автономии (НКА), объединения, общества, центры, повсеместно возникшие в России на рубеже советской и постсоветской эпох, сегодня являются привычной частью городского пространства. Нас интересовало, почему и как эти организации оказались на пересечении этнического и миграционного дискурсов. Почти тридцатилетнее изучение этой стороны деятельности НКО Томска и Иркутска (личные наблюдения, уча-

* Статья подготовлена в рамках проекта РНФ «Использование и создание мигрантами городской инфраструктуры сибирских региональных столиц» № 18-18-00293.

стие в общественных мероприятиях и деятельности общественных и консультативных советов, серии интервью и опросов, материалы самих НКО и городских властей, масс-медиа) позволяют выяснить, чем были для них мигранты – субъектом/объектом патерналистской деятельности или инструментом накопления социального капитала лидерами и активистами. Удовлетворение специфических культурных потребностей представителей этнических меньшинств является не единственной, а, возможно, и не главной их функцией. Этому способствуют не просто неизбежные тесные контакты с властями, но фактический симбиоз, формально закрепленный в специальном законе о национально-культурных автономиях и в законе об общественных организациях. Результатом стала не входящая в уставные задачи национально-культурных общественных организаций деятельность по адаптации мигрантов. Власти увидели в НКО удобный инструмент управления «диаспорами», понимаемыми как организованные этнические группы, к которым принадлежат по факту рождения или происхождения и которые могут выступать в качестве самостоятельного субъекта общественных взаимодействий. Лидеры НКО рассматриваются как «начальники диаспор», облеченные правами контроля и регулирования своих «соотечественников». Энтузиасты развития национальной культуры (этнопредприниматели) получают санкцию властей, сравнительно небольшие, но важные материальные и символические ресурсы, инструменты для презентации себя в качестве этнической группы («диаспоры») в городском сообществе. Лидеры могут получить символические и вполне материальные бонусы, выступая в роли посредников между конструируемой ими «диаспорой», властями и «исторической родиной».

Ключевые слова: диаспора, мигранты, национально-культурная автономия, национально-культурные организации, этническая идентичность.

Библиографическое описание для цитирования:

Дятлов В.П., Нам И.В. Национально-культурные организации в современном сибирском городе: проблема этнического представительства // Идеи и идеалы. – 2020. – Т. 12, № 4, ч. 2. – С. 473–491. – DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.4.2-473-491.

Национально-культурные организации (НКО) – автономии, общества, объединения, центры и т. п. – стали привычной и неотъемлемой частью культурного и общественно-политического пейзажа современных российских городов. Исследование их деятельности позволяет выявить многие важные стороны постсоветского транзита: процессы этнизации и диаспорализации городского пространства, новую роль миграционных процессов и способов их осмысления и регулирования властями различных уровней, сложные условия формирования элементов гражданского общества. Само образование НКО было результатом взаимодействия гражданской инициативы и проектной деятельности властей, а дальнейшее их развитие

происходило в теснейшем сотрудничестве, почти симбиозе. Это предопределило концентрацию в ограниченных по влиянию и масштабам деятельности институциях значительного количества самых разнородных интересов и функций. Не все функции были заложены в первоначальных планах организаторов, а также, что еще важнее, в нормативной базе. НКО выстраивали в своей практической деятельности разные иерархии функций, что вело к их дифференциации при формальном внешнем сходстве. Нам важно было понять, как и почему формировался набор и содержание этих функций, чьи и какие интересы за этим стоят, какие противоречия это порождает.

Нас интересовали сюжеты сложных взаимоотношений НКО с государственными структурами и вытекающие из этого проблемы и противоречия. Понятно, что независимость от государства, предопределенная статусом общественных организаций, не означала полной от него изоляции. Какие-то формы и механизмы контактов и взаимодействия существуют по условию – регистрация уставов и других нормативных документов в соответствующих государственных структурах, согласование публичных мероприятий и т. д. На практике взаимодействие перерастало в теснейшее сотрудничество.

Поставленные задачи могут исследоваться с разных сторон и различным инструментарием. Мы сделали попытку рассмотреть проблему через конкретику локальных кейсов – деятельности национально-культурных организаций Томска и Иркутска. Это крупные провинциальные центры с высокообразованным населением, развитой образовательной и научно-исследовательской инфраструктурой, тесными связями с миграционными зарубежными донорами, сильной промышленной базой [17, 37]. Этот выбор позволит, с одной стороны, выявить или подтвердить региональным материалом некоторые общие процессы, связанные с деятельностью НКО в России, а с другой – увидеть возможную региональную специфику старых, традиционных столиц переселенческого сибирского общества [3, 24, 34].

Довольно большой, почти тридцатилетний срок деятельности НКО позволяет изучать проблему в исторической динамике, при опоре на уже сложившийся пласт архивных материалов (особенно документации городских властей, консультативных советов по вопросам национально-культурных автономий при региональных органах власти, общественных консультативных советов при ликвидированной в 2016 г. ФМС, общественных палат), на материалы масс-медиа, на регулярно проводившиеся формальные и неформальные интервью и встречи с лидерами НКО, чиновниками, мигрантами. О текущей ситуации можно судить по результатам исследований, проводимых в Томске и Иркутске в декабре 2016 и

июле 2018 г. Исследования проводились как количественными (анкетный опрос), так и качественными (преимущественно) методами: наблюдение и полуформализованные интервью с мигрантами, руководителями НКО и представителями областной и городской администраций Томска и Иркутска,

Деятельность НКО неоднократно становилась предметом исследовательского интереса. Особенно это касается института национально-культурной автономии, законодательно введенного в России в 1996 г. [29–33, 36, 38–40]. Большая часть текстов, посвященных региональной проблематике, представляет собой краткий экскурс в историю формирования НКО, перечисление официальных мероприятий и этнокультурных праздников, имена лидеров и активистов, но есть и (не очень многочисленные) проблемные исследования [13, 15, 20], в том числе касающиеся НКО Иркутска [4–6, 18, 19] и Томска [26–28]. Механизмы взаимодействия государственных органов и лидеров национально-культурных обществ («диаспор») на примере деятельности общественных советов при УФМС Петербурга и Самары анализируются в статье М. Берг-Нордли и О. Ткач [41].

В своем исследовании мы придерживались традиции социального конструктивизма, получившей в последние полвека широкое распространение в мировом обществоведении. Используя понятие «этничности», этнической идентичности, мы исходим из его символической природы. Это прежде всего маркер – *знак, символ*, по отношению к которому выстраиваются социальные различия. Расовые, антропологические, культурные и языковые характеристики, которыми принимающее общество наделяет мигрантов и диаспорные сообщества, это не изначально присущие им свойства и различия, а приобретаемые в процессе социального взаимодействия [21, с. 115–117].

Важные для нас концептуальные подходы к исследованию разработаны Р. Брубейкером. Они касаются механизма формирования диаспор, соотношения в этих процессах роли общественной самоорганизации и конструирующей деятельности властей, обычно видящих перед собой «национальные тела» и пытающихся работать с ними. Важны также предложенные им подходы к пониманию «диаспоральной политики» «государств исхода», взятой ими на себя роли «внешней национальной родины» [1, 42]. Чрезвычайно актуален подход Р. Брубейкера, предлагающий перейти от представления о диаспорах как гомогенных группах, обладающих очевидными границами, к исследованию диаспоральных практик, проектов, риторики [2].

Лидеры и активисты национальных организаций, выполняя посреднические по сути задачи (отстаивание интересов мигрантов перед лицом властей, обязательство перед властями контролировать поведение этих

мигрантов, создание системы коммуникаций в городском сообществе, выстраивание отношений с властями «страны происхождения»), должны позиционировать себя в качестве силы, имеющей на это основание. Взаимодействие с властными институтами прямо зависит от статуса и возможностей – социального капитала. В результате создается конструкт, который на языке чиновников, политиков и масс-медиа называется «диаспорой». Под этим «воображаемым сообществом» обычно понимаются институты (национально-культурные общества и автономии), по умолчанию объединяющие всю совокупность представителей некоей национальности как «национального тела». Несмотря на очевидную невозможность существования такой конструкции на практике, это позволяет лидерам НКО претендовать на статус «начальников диаспор» и брать на себя функции представительства и защиты интересов мигрантов-соотечественников перед властями в обмен на обязательство «контролировать ситуацию в диаспоре» [11].

Этнически маркированные общественные организации – национальные центры, общества и объединения (НКО), возникли практически одновременно и повсеместно по всей стране на исходе советской власти в качестве элемента запоздавшей попытки формирования подконтрольного власти квазигражданского общества, как новая политическая технология общественной мобилизации. НКО должны были стать также инструментом проведения национальной политики, о необходимости изменения которой свидетельствовали как открытые и латентные межэтнические конфликты той эпохи, так и потребность национальных меньшинств в культурной самоорганизации.

Противоречивые эксперименты в области национального строительства [7, 23] исключали возможность этнической самоорганизации. Принадлежность к некоторым этническим группам, тем более манифестация такой принадлежности, влекла за собой репрессии «по национальным линиям» и принудительные «этнические» миграции в 1930–1940-е гг. Государство, осуществляя крупные миграционные проекты на востоке страны, выработало и эффективные механизмы адаптации мигрантов, препятствующие их коллективной субъектности и самоорганизации [10, с. 165].

Концепт этнической идентичности оказался востребованным и для принимающего общества в лице властных структур, и для активистов движения за «этническое возрождение» – «этнопредпринимателей», или «брокеров от культуры» [22, с. 58]. Первые НКО возникают вслед за изданием Закона «О свободном национальном развитии граждан СССР, проживающих за пределами своих национально-государственных образований или не имеющих их на территории СССР (апрель 1990 г.). НКО создавались

представителями как «старых», так и «новых», вызванных перестроечными процессами, мигрантов. Уже в мае 1990 г. одним из первых в Томске учреждается азербайджанский национально-культурный центр «Азери». Его уставные цели и задачи: сохранение и развитие национальной культуры, традиций и обычаев, приобщение к родному языку [27, с. 35, 36] – полностью соответствовали положениям закона и этноцентричному мышлению властей и общества.

На других основаниях строилась деятельность первого общественного объединения азербайджанцев в Иркутске. Азербайджанское национально-культурное общество «Тебриз» было создано в 1991 г. как удобная институциональная форма для организации благотворительной помощи переживавшему тогда тяжелые времена населению Азербайджана. Сбор средств, закупка продовольствия и медикаментов, заказ и оплата вагонов для их отправки, осуществляемые группой азербайджанских бизнесменов и студентов, требовали официального статуса. С властями города и области лидеры «Тебриза» сотрудничали слабо, культурных мероприятий не проводили. Эта организация просуществовала недолго и распалась в результате конфликта лидеров и исчерпанности первоначальной задачи. Ей на смену пришли сначала АзНКО «Даяг» (1992), затем «Бирлик» (1996) [4].

В результате была создана сеть национально-культурных обществ и объединений, а вокруг них – элементы государственно-партийной институциональной инфраструктуры. После краха социалистического режима НКО зажили самостоятельной и насыщенной жизнью, вошли в социальное пространство городов как их законная и признанная часть. Они оказались востребованными как элемент общественной самоорганизации, сгруппировав вокруг себя небольшой, но инициативный слой активистов и участников. Новой власти (а на бюрократическом уровне это было прямое продолжение старой) НКО оказались также полезными.

Следующим шагом, способствующим образованию НКО, стали «Основы законодательства о культуре» (1992), где впервые вводилось понятие культурно-национальной автономии. Затем последовали принятые в 1996 г. «Концепция государственной национальной политики» и Федеральный закон «О национально-культурной автономии». По замыслу законодателей, институт НКА должен был упорядочить и ввести в единое правовое поле всё многообразие «этнокультурных» организаций. На практике этого не произошло. Из сопоставления законодательства и нормативной практики об НКА и прочего законодательства об НКО следует, что НКА обладают меньшим объемом прав, чем «просто» общественные организации, а их учреждение и функционирование связаны с большим числом про-

цедурных ограничений. Наряду с НКА в России действуют национально-культурные организации (общества, центры, объединения, фонды), деятельность которых регулируется Федеральным законом «Об общественных объединениях» (1995), создавать которые, в отличие от НКА, имеют право и неграждане. НКА, как и другие этнические организации, получают незначительную государственную поддержку. «Двусмысленные формулировки закона об НКА воспринимаются как дающие право органам власти оказывать содействие “автономиям”, но не как обязывающие их это делать» [33, с. 203, 204].

Эти законы и формирующиеся практики закрепили особые взаимоотношения органов власти и НКО. В их основе лежит стремление властей использовать НКО в качестве инструмента «национальной политики», включая в отдельных случаях финансирование, являющееся «альфой и омегой» национальной политики, как и любой другой [25, с. 64]. В качестве примера можно привести материалы аудиторской проверки использования бюджетных средств по графе «национальная политика» в 2000 г. в Иркутске, которая выявила массу нарушений, допущенных при финансировании НКО, что привело к кадровым переменам в соответствующих бюрократических структурах. То, что финансирование деятельности НКО из областного бюджета стало рутинной практикой, подтверждается приложенной к материалам проверки «Инструкцией об использовании бюджетных средств национально-культурными объединениями Иркутской области» (из личного архива В.И. Дятлова).

Финансирование общественных организаций из государственного бюджета не было прямым. Поэтому не рассматривались или отвергались с порога многочисленные на первых порах просьбы лидеров НКО о выделении государственных ставок для оплаты работы штатных работников. На конкурсной основе или через систему грантов финансируются конкретные мероприятия, особенно национальные праздники и фестивали. За государственный счет содержатся Дома дружбы (в тех городах, где они существуют), предназначенные для деятельности НКО, оплачиваются поездки на различные общественные мероприятия и т. п. НКО обретают дополнительные функции этнического представительства в городской общественной жизни, демонстрации «межнациональной дружбы и сотрудничества» как непосредственного результата проводимой властями «национальной политики». Наиболее распространенной формой такой деятельности стали массовые мероприятия: фольклорные праздники, национальные фестивали, Дни города с демонстрацией «национальных культур» и их содружества. Привычной практикой стало присутствие лидеров и активистов НКО на всех значительных общественных мероприятиях.

Этим демонстрируется, с точки зрения властей, существование в городе «диаспор» – организованных этнических групп, к которым принадлежат по факту рождения и происхождения и которые могут выступать в качестве самостоятельных субъектов общественных взаимодействий. Лидеры НКО рассматриваются как «начальники диаспор», облеченные правами контроля над своими «соотечественниками». Характерна в этой связи риторика информации о намечающейся встрече руководителей паспортно-визовой службы Иркутской области с лидерами НКО: «руководители диаспор будут призваны контролировать перемещение своих земляков и требовать от них соблюдения правопорядка» [35].

Государство, желая получить понятный ему объект управления, производит на свет бюрократические конструкции, которые, с точки зрения чиновников, должны обеспечить контроль над группами, объединенными общим происхождением. Частью такого механизма видится устойчивый канал получения информации, инструмент обратной связи [19]. В результате в бюрократической риторике конструируются этнические группы (диаспоры), система власти в которых мыслится сугубо вертикальным образом. Поэтому повсеместна практика создания разного рода консультативных и общественных советов, включающих лидеров НКО, при государственных и муниципальных органах власти и управления.

Координационный совет по делам НКО при администрации Томской области был создан в 1998 г. Его деятельность не носила регулярного характера, активизируясь только во время избирательных кампаний, а с течением времени и вовсе прекратилась. Сменивший его в октябре 2009 г. Консультативный совет по делам НКА также оказался мертворожденным. Не внесло оживления в деятельность НКА и принятие Государственной думой области в конце 2008 г. Закона «О государственной поддержке региональных и местных национально-культурных автономий в Томской области» [14]. После событий в 2010 г. на Манежной площади в Москве был создан Координационный совет по межнациональным отношениям, но со сменой губернатора в марте 2012 г. и он прекратил свою деятельность [26, с. 506, 507]. Новый совет был воссоздан лишь в 2018 г. В Иркутске такие советы при мэре и губернаторе довольно активно функционировали в девяностые и нулевые годы, затем это направление деятельности полностью перешло к общественным палатам города и области [11].

Для лидеров и активистов НКО функция посредничества является важным статусным и материальным ресурсом, поэтому они заинтересованы в том, чтобы позиционировать свои добровольные, общественные и не очень многочисленные организации в качестве полномочных представителей «общин» или «диаспоры» – имплицитно подразумеваемой под

этим совокупности представителей определенной национальности города. Борьба за этот ресурс ведется различными методами – начиная от регулярных расколов обществ и вплоть до криминальных разборок, как, например, расстрел всего руководства АЗНКО «Бирлик» Иркутска прямо в помещении офиса в 2000 г. [4].

Эксперты из числа муниципальных чиновников и руководителей НКО отмечают, что параллельные и конкурирующие между собой НКО образуются в первую очередь благодаря личностному фактору: *«за счет открытой борьбы за лидерство (вновь приезжающая свежая кровь пытается устанавливать связи с госструктурами, формирует вокруг себя некое сообщество, противопоставляя его уже создавшемуся и устаканившемуся, конструирует (иногда весьма успешно) новые направления работы)»* (С.А., Иркутск, 2019). *«Например, таджики Томска, была одна организация, приехал в Томск из Новосибирска М. и сразу же открыл свою организацию. Мотивация – “так проще делать свой личный бизнес”»* (Р.А. Томск, 2019). *«Это обычные личные устремления лидеров», «стремление к могуществу», «делают гипотетическую власть над диаспорой»* (Р.А. Томск, 2019). *«[Процесс расщепления/деления НКО коснулся практически всего национально-культурного движения Иркутска (и старые, и молодые организации проходят этот путь): кому-то удалось договориться и не создавать новых НКО или держать в страхе всю общину под угрозой физического уничтожения потенциального конкурента за лидерство в национально-культурной организации; другие же, создав несколько организаций, договариваются объединиться в одну, причем зачастую они договариваются публично на собраниях, протоколы подписывают, но юридически не ликвидируют уже созданные организации, оставляя их про запас... они же чуть позже могут зажить отдельной самостоятельной жизнью»* (С.А., Иркутск, 2019).

Предметом дележа являются преимущественно ресурсы – как материальные, так и символические: *«[Иногда это связи, иногда – статус: возможность “поручаться” с мэром, заселфив этот процесс, с последующей презентацией для соотечественников в России и за рубежом... порешать личные или околоорганизационные вопросы в кабинетах чиновников “напрямую”: предоставить помещение (офис или на разовое мероприятие), гостиницу, транспорт, подарки-сувениры, личное участие чиновников в мероприятии, денег на конкретное мероприятие в городе»* (С.А. Иркутск, 2019). Важен и *«региональный фактор, например, в Новосибирске две диаспоры кыргызов, в одной [руководитель] северянин, в другой южанин, вокруг них собираются северяне и южане. Часто все смешано»* (Р.А. Томск, 2019).

Различий в сферах деятельности параллельных НКО, в сущности, нет, *«каждый живет сам по себе», «делают одно и то же, ходят в одни и те же кабинеты»* (Г.К., Иркутск, 2019). При этом *«все пытаются выставить себя главными диаспорами в городе/регионе, делают по сути одно и то же дело: защита земляков, культурные мероприятия и т. д.»* (Р.А. Томск, 2019). Характерный пример: развернувшаяся осенью 1918 г. борьба между руководителями

таджикских организаций Томска за право представлять «диаспору» в общественном совете при Генеральном консульстве Республики Таджикистан в Новосибирске.

В итоге всей этой многогранной деятельности формируется набор как официально провозглашаемых функций, зафиксированных в нормативных документах, так и функций подразумеваемых, на практике осуществляемых, но официально не признанных – функций реальных и мнимых. В силу особенностей своего генезиса и развития НКО стали местом встречи, взаимного притяжения и конфликта, площадкой совместных действий и реализации разнообразных и часто не совпадающих целей властей и общественности. Здесь мы можем наблюдать ситуацию симбиоза, которая в принципе устраивает всех ее участников. Энтузиасты развития национальной культуры получают санкцию властей, сравнительно небольшие, но важные материальные и символические ресурсы, инструменты для презентации себя в качестве этнической группы («диаспоры») в городском сообществе. Лидеры могут получить символические и вполне материальные бонусы, выступая в роли посредника между конструируемой ими «диаспорой», властями и «исторической родиной». Власти получают (или надеются получить) инструмент «проведения национальной политики», субъект управления для соответствующих бюрократических структур, важный канал получения информации и обратной связи.

Литература

1. Брубейкер Р. «Диаспоры катаклизма» в Центральной и Восточной Европе и их отношения с родинами // Диаспоры. – 2000. – № 3. – С. 6–32.
2. Брубейкер Р. Этничность без групп. – М.: ВШЭ, 2012. – 408 с.
3. Восток России: миграции и диаспоры в переселенческом обществе. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков / науч. ред. В.И. Дятлов. – Иркутск: Оттиск, 2011. – 624 с.
4. Гедвилло Г. Культурные организации азербайджанцев в Иркутске. История формирования и место во внутриобщинных отношениях // Диаспоры. – 2001. – № 1. – С. 148–160.
5. Гедвилло Г. Национальное объединение в сибирском городе: форма институционализации этничности и/или инструмент политики властей // Байкальская Сибирь: из чего складывается стабильность. – М.; Иркутск: Наталис, 2005. – С. 153–165.
6. Гедвилло Г. Национально-культурные общества в Иркутске: как и зачем разъединяются люди по национальному признаку // Мигранты и диаспоры на Востоке России: практики взаимодействия с обществом и государством. – М.; Иркутск: Наталис, 2007. – С. 81–98.

7. Государство наций: империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина. – М.: РОССПЭН, 2011. – 376 с.
8. Дятлов В.И. Современные торговые меньшинства: фактор стабильности или конфликта? (Китайцы и кавказцы в Иркутске). – М.: Наталис, 2000. – 190 с.
9. Дятлов В.И. «И тогда мама взяла обрез...». Самосуд и отношение к «чужакам» в общественном мнении российской провинции 1990-х годов // Вестник Евразии. – 2008. – № 4 (42). – С. 142–176.
10. Дятлов В.И. Трансграничные мигранты в городском пространстве Сибири // Идентификационные стратегии диаспорных и земляческих групп. – М.: Новый хронограф, 2016. – С. 161–187.
11. Дятлов В.И. «Вчера губернатор встречался с диаспорами...». Приключения термина и понятия в современной России // Миграционный кризис: международное сотрудничество и национальные стратегии. – М.: Дело, 2017. – С. 159–174.
12. Дятлов В., Мелконян Э. Армянская диаспора: очерки социокультурной типологии. – Ереван: Институт Кавказа, 2009. – 207 с.
13. Захарян И.Э. Национально-культурное объединение как институт инклюзии мигрантов (на примере армянской общины «Крунк» Саратовской области) // Журнал исследований социальной политики. – 2013. – Т. 2, № 2. – С. 221–234.
14. Закон Томской области. «О государственной поддержке региональных и местных национально-культурных автономий в Томской области» // Территория согласия. – Томск, 2008. – № 1 (21). – С. 50–51.
15. Идентификационные стратегии диаспорных и земляческих групп. – М.: Новый хронограф, 2016. – 240 с.
16. Илларионова Т.С. Государство и национально-культурные автономии народов России: актуальные проблемы и перспективы // Федеральный закон «О национально-культурной автономии»: новые правовые аспекты: материалы круглого стола 20 апреля 2010 года. – М.: Гос. Дума, 2011. – С. 48–62.
17. Иркутск в панораме веков: очерки истории города. – Иркутск: Вост.-Сиб. изд. компания, 2003. – 511 с.
18. Калугина Г.В. Местная власть и трансформация дискурса национальной политики в постсоветскую эпоху. Случай Иркутска // Политика. – 2010. – № 2 (57). – С. 91–106.
19. Калугина Г. Национально-культурные общества: посреднические и коммуникативные функции в городском сообществе (на примере Иркутска) // Местные сообщества, местная власть и мигранты в Сибири на рубежах XIX–XX и XX–XXI веков. – Иркутск: Оттиск, 2012. – С. 353–368.
20. Конструирование этничности / сост. и науч. ред. В. Воронков и И. Освальд. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. – 303 с.
21. Малахов В. Символическое производство этничности и конфликт // Язык и этнический конфликт. – М.: Гендальф, 2001. – С. 115–137.

22. Малахов В.С. Этнизация феномена миграции в публичном дискурсе и институтах // Космополис. – 2004. – № 1 (7). – С. 56–69.
23. Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. – М.: РОССПЭН, 2011. – 855 с.
24. Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков / науч. ред. В.И. Дятлов. – Иркутск: Отгиск, 2010. – 640 с.
25. Мукомель В. Национальная политика в регионах России: сравнительный анализ, позитивная практика // Федерализм. – 2004. – № 3. – С. 51–71.
26. Нам И. Национально-культурная автономия как современная форма самоорганизации этнических сообществ (на примере Томской области) // Переселенческое общество Азиатской России: миграции, пространства, сообщества. – Иркутск: Отгиск, 2013. – С. 492–521.
27. Нам И. «Новые» этнические группы (диаспоры) в Томске // Вестник ТГУ. История. – 2015. – № 5. – С. 33–43.
28. Нам И. Роль национально-культурных автономий в адаптации/интеграции мигрантов: право и реалии (на примере Томска) // Государство, общество и церковь: миграция и межкультурное многообразие: материалы научно-практической конференции с международным участием, Новосибирск, 29–30 мая 2018 г. – Новосибирск: Изд-во СибАГС, 2018. – Ч. 2. – С. 104–108.
29. Национально-культурная автономия: проблемы и суждения (по материалам круглого стола в Центре «Этносфера»). – М.: Этносфера, 1998. – 168 с.
30. Осипов А.Г. Национально-культурная автономия. Идеи, решения, институты. – СПб.: Центр независимых социологических исследований, 2004. – 508 с.
31. Осипов А.Г. Что в России означает понятие «регулирование миграции» // Миграция и национальное государство / под ред. Т. Бараулиной и О. Карпенко. – СПб.: Центр независимых социологических исследований, 2004. – С. 15–45.
32. Осипов А.Г. Является ли национально-культурная автономия инструментом защиты меньшинств? // Вестник Института Кеннана в России. – 2006. – № 9. – С. 46–53.
33. Осипов А.Г. Национально-культурная автономия после СССР: символическая или инструментальная политика? // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2012. – Т. 8, № 1. – С. 200–222.
34. Переселенческое общество Азиатской России: миграции, пространства, сообщества. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков. – Иркутск: Отгиск, 2013. – 624 с.
35. Силовики проведут собеседование с лидерами диаспор // Известия – Новости из Восточной Сибири. – 2000. – 29 ноября.
36. Степанов В.В. Национально-культурная автономия в России как идея и как правовая норма // Правовые аспекты этнических отношений. – М.: Деловая столица, 2004. – С. 91–117.
37. Томск от А до Я: краткая энциклопедия города. – Томск: Изд-во НТЛ, 2004. – 440 с.

38. Филиппов В., Филиппова Е. Национально-культурная автономия в контексте совершенствования законодательства // Этнографическое обозрение. – 2000. – № 3. – С. 46–59.

39. Филиппова Е. Национально-культурная автономия: два десятилетия российского эксперимента // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах: ежегодный доклад: в 2 т. – М.: ИЭА РАН, 2015. – Т. 1. – С. 83–86.

40. Хабриева Т.Я. Национально-культурная автономия в Российской Федерации. – М.: Юстицинформ, 2003. – 256 с.

41. Berg-Nordlie M., Tkach O. «You Are Responsible for Your People»: The Role of Diaspora Leaders in the Governance of Immigrant Integration in Russia // Demokratiizatsiya. – 2016. – Vol. 24, N 2. – P. 173–198.

42. Brubaker R. The 'diaspora' diaspora // Ethnic and Racial Studies. – 2005. – Vol. 28, N 1. – P. 1–19.

Статья поступила в редакцию 20.02.2020.

Статья прошла рецензирование 04.03.2020.

DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.4.2-473-491

NATIONAL-CULTURAL ORGANISATIONS IN CONTEMPORARY SIBERIAN CITIES: ISSUES OF ETHNIC REPRESENTATION*

Dyatlov Victor,

*Dr of Sc. (History), Professor,
Professor at the Department of World History
and International Relations
Irkutsk State University,
1 Karl Marks St., Irkutsk, 664003, Russian Federation;
Leading Research Fellow
Laboratory for Social and Anthropological Research
National Research Tomsk State University,
36 Lenin Ave., Tomsk, 634050, Russian Federation
vikdyatlov@yandex.ru*

Nam Iraida,

*Dr of Sc. (History), Associate Professor,
Professor at the Department of Anthropology and Ethnology,
Head of Laboratory for Social and Anthropological Research
National Research Tomsk State University,
36 Lenin Ave., Tomsk, 634050, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-3636-7539
namirina@bk.ru*

Abstract

The so-called ‘national-cultural’ (*natsional’no-kul’turnye organizatsii*, NKO, or *natsional’no-kul’turnye avtonomii*, NKA), or ethnicity-based organisations, that started to emerge in Russia at the turn of the Soviet and the post-Soviet epochs have become an ordinary attribute of the country’s urban space. We were interested in the question of why and how these organizations have found themselves at the intersection of ethnic and migration discourses. For nearly 30 years we have been studying the case of Tomsk and Irkutsk national-cultural organisations (based on observations, participation in the events and activities organised by NKO/NKA and in the meetings of specialised advisory boards, interviews and surveys, materials released by national-cultural organisations and municipal authorities, mass media reports, etc.). This allows us to understand what role migrants themselves had to play: whether they were subjected to paternalistic care or contributed to accumulation of social capital by leaders and activists of national-cultural organisations, or both. Local authorities have come to see such organisations as a convenient tool to manage ‘diasporic’ communities, that is, organised ethnic groups, whose membership is associated with one’s ethnic origin or ethnicity and which

*The article is written as part of the project No. 18-18-00293, titled ‘Creation and Use of Urban Infrastructure by Migrants in Siberian Cities’ supported by the Russian Science Foundation (RNF).

are entitled to act independently as agents of social relations. NKO/NKA leaders are considered to be ‘diasporic bosses’ exercising the right to control and regulate their ‘diaspora compatriots’. That these organisations serve to meet specific ethnic groups’ cultural needs is not their single and possibly not even their main function. Their legal status (resulting from a special law on organisations of this type and a law on public organisations more generally) allows them to be in close contact with the authorities, and, in fact, to have a symbiotic relationship with them. As a result, these organisations have come to be informally tasked with assisting adaptation of migrants in Russian cities. Enthusiasts developing national/ethnic culture (‘ethno-entrepreneurs’) enjoy a certain degree of power given by the state and receive limited but important material and symbolic resources to present their activities as a consolidated ethnic group (‘diaspora’) in urban space. Leaders of ethnic organisations can also benefit from their status in both symbolic and material terms, serving as intermediaries between the ‘diaspora’ they construct and the authorities, and maintaining a relationship with their historical homeland.

Keywords: diaspora, migrants, national-cultural organisations, ethnic identity.

Bibliographic description for citation:

Dyatlov V., Nam I. National-Cultural Organisations in Contemporary Siberian Cities: Issues of Ethnic Representation. *Idey i idealy = Ideas and Ideals*, 2020, vol. 12, iss. 4, pt. 2, pp. 473–491. DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.4.2-473-491.

References

1. Brubaker R. “Diaspory kataklizma” v Tsentral’noi i Vostochnoi Evrope i ikh ot-nosheniya s rodinami [“Accidental diasporas” and external “Homelands” in Central and Eastern Europe]. *Diaspory*, 2000, no. 3, pp. 6–32. (In Russian).
2. Brubaker R. *Ethnicity without groups*. Cambridge, MA, Harvard University Press, 2004 (Russ. ed.: Brubeiker R. *Etnichnost’ bez grupp*. Moscow, HSE Publ., 2012. 408 p.).
3. Dyatlov V.I., ed. *Vostok Rossii: migratsii i diaspory v pereselencheskom obshchestve. Ru-bezhi XIX–XX i XX–XXI vekov* [Russian East: migrations and diasporas in the resettlement society. Turns of 19–20 and 20–21 centuries]. Irkutsk, Ottisk Publ., 2011. 624 p.
4. Gedvilo G. Kul’turnye organizatsii azerbaidzhantsev v Irkutske. Istoriya formirovaniya i mesto vo vnutriobshchinnnykh otnosheniyakh [Cultural organizations of Azerbaijanis in Irkutsk. History of formation and place in intracomunal relations]. *Diaspory*, 2001, no. 1, pp. 148–160. (In Russian).
5. Gedvilo G. Natsional’noe ob”edinenie v sibirskom gorode: forma institutsionalizatsii etnichnosti i/ili instrument politiki vlastei [National association in a Siberian city: a form of institutionalization of ethnicity and/or an instrument of government policy]. *Baikal’skaya Sibir’: iz chego skladyvaetsya stabil’nost’* [Baikal Siberia: what constitutes stability]. Moscow, Irkutsk, Natalis Publ., 2005, pp. 153–165.
6. Gedvilo G. Natsional’no-kul’turnye obshchestva v Irkutske: kak i zachem raz”edinyayutsya lyudi po natsional’nomu priznaku [National-cultural societies in Ir-

kutsk: how and why people are divided according to ethnicity]. *Migranty i diaspora na Vostoke Rossii: praktiki vzaimodeistviya s obshchestvom i gosudarstvom* [Migrants and diaspora in the East of Russia: the practice of interaction with the society and the state]. Moscow, Irkutsk, Natalis Publ., 2007, pp. 81–98.

7. Suny R.G., Martin T., eds. *A state of nations: empire and nation-making in the age of Lenin and Stalin*. Oxford, New York, Oxford University Press, 2001 (Russ. ed.: Gosudarstvo natsii: imperiya i natsional'noe stroitel'stvo v epokhu Lenina i Stalina. Moscow, ROSSPEN Publ., 2011. 376 p.).

8. Dyatlov V.I. *Sovremennye torgovye men'shinstva: faktor stabil'nosti ili konflikta? (Kitaity i kavkaztsy v Irkutske)* [Modern trading minorities: a force for stability of conflict? (Chinese and Caucasians in Irkutsk)]. Moscow, Natalis Publ., 2000. 190 p.

9. Dyatlov V.I. “I togda mama vzyala obrez...”. Samosud i otnoshenie k «chuzhakam» v obshchestvennom mnenii rossiiskoi provintsii 1990-kh godov [“And then my mother took a sawn-off shotgun...”. Lynching and the attitude towards “outsiders” in the public opinion of the Russian province of the 1990s]. *Vestnik Evrazii = Acta Eurasica*, 2008, no. 4 (42), pp. 142–176.

10. Dyatlov V.I. Transgranichnye migranty v gorodskom prostranstve Sibiri [Transborder migrants in the urban space of Siberia]. *Identifikatsionnye strategii diaspornykh i zemlyacheskikh grupp* [Identification strategies of diaspora and compatriot groups]. Moscow, Novyi khronograf Publ., 2016, pp. 161–187.

11. Dyatlov V.I. “Vchera gubernator vstrechalsya s diasporami...”. Priklucheniya termina i ponyatiya v sovremennoi Rossii [“Yesterday the governor met with diasporas...”. A journey of the term and concept in contemporary Russia]. *Migratsionnyi krizis: mezhdunarodnoe sotrudnichestvo i natsional'nye strategii* [Migration Crisis: International Cooperation and National Strategies]. Moscow, Delo Publ., 2017, pp. 159–174.

12. Dyatlov V., Melkonyan E. *Armyanskaya diaspora: ocherki sotsiokul'turnoi tipologii* [Armenian diaspora: Essays on sociocultural typology]. Erevan, Institut Kavkaza Publ., 2009. 207 p.

13. Zakharyan I.E. Natsional'no-kul'turnoe ob"edinenie kak institut inklyuzii migrantov (na primere armyanskoi obshchiny “KrunK” Saratovskoi oblasti) [Ethnocultural associations as an institution of inclusion of migrants (for example the Armenian community “KrunK” of Saratov region)]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki = Journal of Social Policy Studies*, 2013, vol. 2, no. 2, pp. 221–234.

14. Zakon Tomskoi oblasti. “O gosudarstvennoi podderzhke regional'nykh i mestnykh natsional'no-kul'turnykh avtonomii v Tomskoi oblasti” [The law of the Tomsk region “On the state support of regional and local national-cultural autonomies in the Tomsk region”]. *Territoriya soglasiya*, 2008, no. 1 (21), pp. 50–51. (In Russian).

15. *Identifikatsionnye strategii diaspornykh i zemlyacheskikh grupp* [Identification strategies of diaspora and compatriot groups]. Moscow, Novyi khronograf Publ., 2016. 240 p.

16. Illarionova T.S. [The state and national-cultural autonomies of the peoples of Russia: current problems and prospects]. *Federal'nyi zakon “O natsional'no-kul'turnoi avtonomii”*: novye pravovye aspekty: materialy kruglogo stola 20 aprelya 2010 goda [Federal Law

“On national-cultural autonomy”: new legal aspects: Roundtable proceedings April 20, 2010]. Moscow, Gosudarstvennaya Duma Publ., 2011, pp. 48–62. (In Russian).

17. *Irkutsk v panorame vekov: ocherki istorii goroda* [Irkutsk in the prospect of centuries: Essays on the history of the city]. Irkutsk, Vostochno-Sibirskaya izdatel'skaya kompaniya Publ., 2003. 511 p.

18. Kalugina G.V. Mestnaya vlast' i transformatsiya diskursa natsional'noi politiki v postsovetskuyu epokhu. Sluchai Irkutsk [Local government and the transformation of the discourse of national politics in the post-Soviet era. Irkutsk case]. *Politiya = Politeia*, 2010, no. 2 (57), pp. 91–106.

19. Kalugina G. Natsional'no-kul'turnye obshchestva: posrednicheskie i kommunikativnye funktsii v gorodskom soobshchestve (na primere Irkutsk) [National-cultural societies: mediation and communicative functions in the urban community (on the example of Irkutsk)]. *Mestnye soobshchestva, mestnaya vlast' i migranty v Sibiri na rubezhakh XIX–XX i XX–XXI vekov* [Local community, local authorities and migrants in Siberia. Turn of 19–20 and 20–21 centuries]. Irkutsk, Ottisk Publ., 2012, pp. 353–368.

20. Voronkov V., Osval'd I., ed. *Konstruirovaniye etnichnosti* [Construction of ethnicity]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 1998. 303 p.

21. Malakhov V. Simvolicheskoe proizvodstvo etnichnosti i konflikt [Symbolic production of ethnicity and conflict]. *Yazyk i etnicheskii konflikt* [The language and ethnic conflict]. Moscow, Gendal'f Publ., 2001, pp. 115–137.

22. Malakhov V.S. Etnizatsiya fenomena migratsii v publichnom diskurse i institutakh [Ethnicization of the phenomenon of migration in public discourse and institutions]. *Kosmopolis*, 2004, no. 1 (7), pp. 56–69. (In Russian).

23. Martin T. *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. Ithaca, London, 2001 (Russ. ed.: Martin T. *Imperiya “polozhitel'noi deyatel'nosti”. Natsii i natsionalizm v SSSR. 1923–1939*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2011. 855 p.).

24. Dyatlov V.I., ed. *Migratsii i diaspori v sotsiokul'turnom, politicheskom i ekonomicheskom prostranstve Sibiri. Rubezhi XIX–XX i XX–XXI vekov* [Migration and diaspora in the socio-cultural, political and economic space of Siberia. Turn of 19–20 and 20–21 centuries]. Irkutsk, Ottisk Publ., 2010. 640 p.

25. Mukomel' V. Natsional'naya politika v regionakh Rossii: sravnitel'nyi analiz, pozitivnaya praktika [National policy in Russian regions: comparative analysis, positive practice]. *Federalizm = Federalism*, 2004, no. 3, pp. 51–71.

26. Nam I. Natsional'no-kul'turnaya avtonomiya kak sovremennaya forma samoorganizatsii etnicheskikh soobshchestv (na primere Tomskoi oblasti) [National-cultural autonomy as the modern form of self-organization of ethnic communities (case of Tomsk region)]. *Pereselencheskoe obshchestvo Aziatskoi Rossii: migratsii, prostranstva, soobshchestva* [Migrant society of Asian Russia: migrations, spaces, communities]. Irkutsk, Ottisk Publ., 2013, pp. 492–521.

27. Nam I. “Novye” etnicheskie gruppy (diaspori) v Tomske [“New” ethnic groups (“diaspora”) of Tomsk]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya = Tomsk State University Journal of History*, 2015, no. 5, pp. 33–43.

28. Nam I. [The role of national-cultural autonomies in adaptation / integration of migrants: law and the reality (on the example of Tomsk)]. *Gosudarstvo, obshchestvo i tserkov': migratsiya i mezhekulturnoe mnogoobrazie*. materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem [State, Society and Church: Migration and Intercultural Diversity: Proceedings of Scientific and Practical Conference], Novosibirsk, May 29–30, 2018, pt. 2, pp. 104–108. (In Russian).

29. *Natsional'no-kul'turnaya avtonomiya: problemy i suzhdeniya (po materialam kruglogo stola v Tsentre "Etnosfera")* [National-cultural autonomy: problems and views (following the round table at the center "Ethnosphere")]. Moscow, Etnosfera Publ., 1998. 168 p.

30. Osipov A.G. *Natsional'no-kul'turnaya avtonomiya. Idei, resheniya, instituty* [National-cultural autonomy. Ideas, resolutions, institutions]. St. Petersburg, Tsentr nezavisimyykh sotsiologicheskikh issledovaniy Publ., 2004. 508 p.

31. Osipov A.G. Chto v Rossii oznachaet ponyatie "regulirovanie migratsii" [What does the concept of "migration regulation" mean in Russia?]. *Migratsiya i natsional'noe gosudarstvo* [Migration and the nation state]. St. Petersburg, Tsentr nezavisimyykh sotsiologicheskikh issledovaniy Publ., 2004, pp. 15–45.

32. Osipov A.G. Yavlyaetsya li natsional'no-kul'turnaya avtonomiya instrumentom zashchity men'shinstv? [Can National and Cultural Autonomy in Russia Be Regarded as an Instrument of Protection of Minorities?]. *Vestnik Instituta Kennana v Rossii*, 2006, no. 9, pp. 46–53. (In Russian).

33. Osipov A.G. Natsional'no-kul'turnaya avtonomiya posle SSSR: simvolicheskaya ili instrumental'naya politika? [National-cultural autonomy after the USSR: symbolic or instrumental policies?]. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS = Political expertise: POLITEX*, 2012, vol. 8, no. 1, pp. 200–222.

34. *Pereselencheskoe obshchestvo Aziatskoi Rossii: migratsii, prostranstva, soobshchestva. Rubezhi XIX–XX i XX–XXI vekov* [Migrant society of Asian Russia: migrations, spaces, communities. Turn of 19–20 and 20–21 centuries]. Irkutsk, Ottisk Publ., 2013. 624 p.

35. Siloviki provedut sobesedovanie s liderami diaspor [Security officials will interview diaspora leaders]. *Izvestiya – Novosti iz Vostochnoi Sibiri*, 2000, November 29.

36. Stepanov V.V. Natsional'no-kul'turnaya avtonomiya v Rossii kak ideya i kak pravovaya norma [National-cultural autonomy in Russia as an idea and as a legal norm]. *Pravovye aspekty etnicheskikh otnoshenii* [Legal aspects of ethnic relations]. Moscow, Delovaya stolitsa Publ., 2004, pp. 91–117.

37. *Tomsk ot A do Ya: kratkaya entsiklopediya goroda* [Tomsk from A to Z: A Brief Encyclopedia of the City]. Tomsk, NTL Publ., 2004. 440 p.

38. Filippov V., Filippova E. Natsional'no-kul'turnaya avtonomiya v kontekste sovershenstvovaniya zakonodatel'stva [National-cultural autonomy in the context of improving legislation]. *Etnograficheskoe obozrenie = Ethnographic Review*, 2000, no. 3, pp. 46–59.

39. Filippova E. Natsional'no-kul'turnaya avtonomiya: dva desyatiletia rossiiskogo eksperimenta [National-cultural autonomy: two decades of Russian experiment]. *Etnopoliticheskaya situatsiya v Rossii i sopredel'nykh gosudarstvakh: ezhegodnyi doklad*. V 2 t. T. 1 [Eth-

nopolitical situation in Russia and neighboring states. Annual Report of the Network for Ethnological Monitoring and Early Warning of Conflict. In 2 vol. Vol. 1]. Moscow, IEA RAS Publ., 2015, pp. 83–86.

40. Khabrieva T.Ya. *Natsional'no-kul'turnaya avtonomiya v Rossiiskoi Federatsii* [National-cultural autonomy in the Russian Federation]. Moscow, Yustitsinform Publ., 2003. 256 p.

41. Berg-Nordlie M., Tkach O. “You Are Responsible for Your People”: The Role of Diaspora Leaders in the Governance of Immigrant Integration in Russia. *Demokratizatsiya*, 2016, vol. 24, no. 2, pp. 173–198.

42. Brubaker R. The ‘diaspora’ diaspora. *Ethnic and Racial Studies*, 2005, vol. 28, no. 1, pp. 1–19.

The article was received on 20.02.2020.

The article was reviewed on 04.03.2020.